

ТРАГИЗМ ЭЛЕКТРЫ

Греческий Национальный драматический театр из города Салоники играет на гастролях в Ленинграде одно из великих творений античной драматургии — «Электру» Софокла в постановке руководителя театра режиссера Миноса Волацакиса. Трагизм родовой местности предстает перед зрителями в суровом облики, таящем глубокий и своеобразный смысл, раскрываемый актерами, которые составляют в спектакле целостный, темпераментный и умный ансамбль.

При всем своем лаконизме большой выразительности достигает убранство сцены — декорации и костюмы, созданные Дионисом Фотопулосом. Сценическая площадка — черный мрамор; статуи богов, с плеч которых ниспадают обветшалые белесые ткани — изваяний с закрытыми лицами, словно слепые и глухие к горестям и страстям людей. Сноп тусклых лучей, которые не могут ярко осветить сценическое пространство... Из таких слагасмых складается жестокий и мрачный образ спектакля.

Электра (ее играет трагическая героиня Анна Синодиду) появляется на сцене распахнутой, словно сползает по черному помосту; она с трудом подымается с земли. Потом замедленно появляется из-под черных давящих сводов хор женщин. Временами кажется, будто их подхватывает и кружит злое вихрь, противиться которому у них нет ни сил, ни воли (хореография Андреаса Перриса). То простертые вверх, то закинутые за голову ладони Электры и восьмь ступни женщины из хора на фоне злоедей тьмы становятся в спектакле как бы знаками беспомощности. Мольба и слабость, зов помочь и камешный холод пронзают зрительный зал.

Впечатление того страдания, которое испытывают Электра и окружающие ее женщины, усиливается контрастным изображением Хрисофемиды, Клитемнестры и Эгисфа. Хрисофемиды (артистка Катерина Хельми) выходит в богатом наряде, украшенном драгоценностями, — не является ли эта роскошь платой за безовие, за предательство? Клитемнестру — артистку Нели Ангелиду — рабы вносят на носилках. Ее набеленное лицо кажется мертвым; быть может, это след совершенного ей преступления навсегда искалечившего человеческую природу женщины-убийцы. Наряд царичи роскошен, причудлив и изыскан: ее головной убор; несущие носилки рабы не разгибают спины; сопровождающие царичу девушки неподвижны — ее окружает покорность. Однако, когда всматриваешься в облик Клитемнестры, драгоценные цепочки на ее руках

вдруг кажутся неразрываемыми цепями. Цепями сковывающего ее преступления... А Эгисф (артист Андреас Зисиматос) — резкий; в костюме его преобладает грубый, жесткий мех; от всего облика исходит нечто звериное. Легко угадать, что он — тиран и деспот.

Совершенно иной облик у Электры. Открытое лицо, пряди небрежных волос, бедное черное одеяние, простые сандалии. Траур и горесть. Сразу ясно, как чужда она царствующей матери и всему ее окружению, как ненавистны ей и власть, захваченная убийством, и осквернение памяти отца бестыдной близостью Клитемнестры и Эгисфа. И истинная человеческая правда есть в ее словах, звучащих в трагедии и обращенных к тиетно оправдывающейся матери: если проливать кровь за кровь, то первой по заслугам должна умереть сама Клитемнестра. Лично для меня в этих словах — самая важная мысль трагедии Софокла.

Подчеркивает ли театр именно эту идею великого античного драматурга и мыслителя? Когда после умерщвления Клитемнестры Орест и Пилад (артисты Димитрис Кареллис и Янис Синоидис) стоят спиной к зрителям, обратив к залу заложенные за спину скрепленные окровавленные руки, мечь сына, убившего родную мать, укасают. То что у женщины из хора на головах не то волосы, не то странные уборы из металла, видимые из-под черных покрывал, как бы помогает понять ожесточившуюся от ненависти душу Электры. Этому же способствует хорошая декламация (музыкальное оформление спектакля принадлежит Элли Хава-Вайя), иногда прерываемая тревожными и сухими постукиваниями рук хора о помост; голоса женщины вдруг становятся жесткими, словно они вырываются из металлических горлапей; сама мысль о мести несущает...

И в особенности усиливает все эти впечатления финал. Действие начинается в подутые и в полутьме заканчивается. Черный двор, черный палатный помост, бесцветно свисающие вниз одеяния статуй, напоминающие рубища... Торжество отмстивших Электры и Ореста — торжество родовой мести — мрачно. Не обнажая свою мысль, театр как бы отдает на суд зрителям все изображенное. Пусть зритель сам решит, к чему ведут не отлевающие высокие законам человечности действия героев Софокла.

Не нарушая ни сюжета, ни текста драмы, театр ведет публику к гуманистическому истолкованию великого творения античной литературы.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО,
доктор искусствоведения